

Ретроспект: Пепел

Автор:

Виктор Моключенко

Ретроспект: Пепел

Виктор Александрович Моключенко

Ретроспект #3

Хлесткий ветер кружил над стылой, промозглой равниной, вздымая облака пыли к едва проблескивающей кромке неба. Сквозь сумрачную твердь нехотя пробивалось солнце: тусклое, угрюмо-багровое, застывшее на линии слившейся воедино ночи и дня. Резкие всполохи озаряли пространство, пробивая сумрачное небо, в бессильном отчаянии ударяя о землю плетью разрядов, словно пытаюсь запустить остановившееся сердце. Безуспешно, безысходно – тусклый мир мертв. Чем завершится путь, попавших волею судеб во Вселенскую Бездну?..

Виктор Моключенко

Ретроспект: Пепел

Пролог

Хлесткий ветер кружил над стылой промозглой равниной, вздымая облака пыли к едва проблескивающей кромке неба. Сквозь сумрачную твердь нехотя пробивалось солнце: тусклое, угрюмо-багровое, застывшее на линии слившейся воедино ночи и дня. Резкие всполохи озаряли пространство, пробивая сумрачное небо, в бессильном отчаянии ударяя о землю плетью разрядов, словно пытаюсь запустить остановившееся сердце. Безуспешно, безысходно – тусклый мир

мертв. Лишь ветер завывал жалобным всхлипом среди выщербленных скал, неся пыль над безжизненной равниной под холодным, едва брезжащим светилом, ломая высохшие травы, рассыпающиеся стеклянным звоном в истлевший пепел. Пройдет время утихнет ветер, высохнут океаны, обрушатся горы, меняя облик планеты, стирая последние следы человечества, нарушившего незыблемые Космические законы и отключенного от Кольца Вселенского Разума.

- 01 —

Агарты. Вдовье плато

Доктор рухнул наземь, крепко сжимая выворотника в объятьях, словно опасаясь, что в самый последний момент тот выскользнет. Налетевший ветер бросил в лицо горсть пыли и когда он продрал слезящиеся глаза, выворотник исчез, рассыпавшись в руках невесомым пеплом.

- Ишь ты, упырь - прошептал пораженно Доктор, увидев раскинувшийся перед ним сумрачный пейзаж - таки ушел.

Он затаив дыхание рассматривал однообразную черно-серую пустошь, успокаивая трепля кеноидов по мощным загревкам. Бесстрашные кеноиды дрожали словно щенята, скуля, жались к ногам, со страхом косясь на низкое солнце, ощущая разлитую в пространстве смерть. Беспощадную, равнодушную, давнюю, но от этого не менее бессмысленную, давно поглотившую сумрачный мир и жадно присматривающуюся к биению жизнью.

- Здесь все пропитано смертью, каждый миллиметр убит неоднократно и бесповоротно. Понятно, почему вы шарахнулись на Периметре от грузовика, как черти от ладана. Но будет вам, будет... ну мир, ну сумрачный, ну мертвый... ясное дело мертвый, иначе, зачем им лезть к нам.

- Мертвое, везде мертвое. Голодное: смотрит, ждет, ожидает! - хором подытожили кеноиды.

- Где мертвое?

- Везде - отрезал Аметист, отряхивая с шерсти пепел - везде смотрит. Слушай!

Доктор прислушался и в тот же миг в голову ворвался хор шепчущих голосов, наползающих и перекрикивающих друг друга, словно радиостанции в переполненном эфире. Разобрать слова было невозможно: голоса шелестели, захлестывая монотонным многоголосьем, сковывая движение и наполняя чарующе томным прикосновением жути. Оно расплзлось по жилам, замораживая кровь, заставляя деревенеть тело, торжествующе взметнулось погребальным саваном, но внезапно опало, съежилось, как под порывом сильного ветра. Грей презрительно чихнул:

- Мертвое остается мертвым, даже притворяясь живым. Тут мертвое - там нет. Люди. Ближе. Ищут.

Доктор вздохнул, выходя из странного оцепенения и прогоняя из сознания едва осязаемый шелест. Не будь рядом кеноидов, обладающих врожденной невосприимчивостью к внушению, даже он, не смотря на всю свою ментальную мощь, остался бы здесь навсегда. Под этим багровым солнцем, под этим ветром... под... Он встряхнул головой, отсекая звучащую на самой грани слышимости шуршащую волну и посмотрел в указанном направлении. Через несколько минут увидел смутную точку у горизонта, которая двигалась в их сторону.

- Это хорошо, если ищут. Значит, попали по назначению. Пойдем-ка навстречу, если стоять, то можно замерзнуть.

Доктор запахнул плотнее дырявый плащ и потирая озябшие руки спешно направился в сторону разгорающейся полосы. Прикосновение голосов не отпускало ни на миг, давило на голову словно бездонная толща воды на обшивку подводной лодки. Если приложить изнутри к обшивке руку, то можно почувствовать, как поскрипывает корпус и едва слышно звенят от напряжения переборки. Но как противостоять давлению на сознание?

Кеноиды какое-то время стояли, боясь шевельнуться и брезгливо кривя губы переминались с лапы на лапу, но потом со вздохом пошли вслед за человеком и уже через несколько минут нельзя было разобрать где Грей, а где Аметист, оба

были черны как сажа и их выдавали только глаза, поблескивающие в холодном мраке.

Между тем точка приближалась, время от времени взблескивая, словно обломок хрусталя под рассветными лучами. Доктор с немым удивлением узнавал в яркой точке до боли знакомый обвод БТРа, бесшумно несущийся по черной равнине. Не было слышно взрыкивания мотора, он словно плыл над теменью, беззвучно и стремительно, покачивая диковинными сверкающими парусами. Не доезжая до Доктора каких-то десяти метров, он застыл как вкопанный. Паруса разошлись в стороны и, видя их вблизи стало понятно, что никакие это не паруса, а взметнувшиеся над машиной громадные рефлекторы на гибких штативах, озаряющие рассвет сияющим опахалом. С брони скатилось несколько фигур и кинулось к ним. Кеноиды заинтересовано следили за приближающимися бойцами в черно-сером камуфляже, забавно топорща треугольные уши. Ближайший из бойцов приподнял руки от автомата и насторожено, успокаивающе улыбнулся:

- Все нормально, мы люди, мы свои...

- Эээ... - растеряно протянул Доктор - я определенно свой, из Периметра. Это на Земле, знаете ли.

- Вы один? - боец подскочил доктору, взял его под руку и потянул к БТРу - мы думали, вас будет больше.

- Ну, нас один, не считая сопровождения, а что должны были быть другие?

- Должны, обязательно должны. Северова ушла на Землю за помощью, мы ждали ее возвращения на месте прежнего появления, хотя в форте «Дальнем» тоже все подняты по тревоге.

- Полина была на Земле? - застыл Доктор - Стало быть, это она та самая, исчезнувшая из грузовика...

Доктор шагнул в кольцо бойцов, взирающих на него как грешники на святого, сошедшего в преисподнюю.

- Вы знаете Северову? - удивленно спросил тащивший его боец и зачем-то постучал по броне.

- Ну да знаю, когда-то мы вместе работали на Экс-два. Весьма, весьма способная особа.

- Погодите - пристально посмотрел боец - погодите... собаки... Экс-два... Вы часом не доктор Журбин?

- Честь имею - поклонился Доктор - увы, но в спешке нас не представили.

- Капитан Меренков, Севастопольский гарнизон! - смутившись, отрапортовал боец - Простите бога ради. Мы знаем друг друга в лицо и каждый новый человек для нас целое событие. Какая удача, что именно Вы попали к нам!

Люк распахнулся, оттуда выглянула голова с болтающимися на шее наушниками и увидев Доктора отшатнулась:

- Пятый и семнадцатый, похоже, засекли еще две группы, сигнал слабый - связист облизав пересохшие губы, посмотрел на Доктора и вздрогнув уставился на кеноидов - наши гости излучают так, лишь слепой не увидит. Смотреть больно и мозги едут.

- Ты у нас парень крепкий, связист. Издали увидел, куда бесы клином потянули. Далеко коробочки?

- Далеко, похоже, там сейчас будет жарко. Бесформов немеряно, говорят, все плато накрыли.

- Все на бронь! Доктор за мной, в кабину, собаки, собак...

- Спасибо, мы лучше с Доктором - внезапно фыркнул Аметист и взвившись пружиной прыгнул на броню.

Побледневший связист едва успел спрятать голову, как кеноид исчез внутри, а следом уже летел Грей, провожаемый изумленными глазами бойцов. Меренков кивнул, можно подумать у него был особый выбор, запрыгнув на броню подал

руку Доктору, и придерживая помог спуститься в кабину. Внутри было на удивление просторно и светло, вопреки ожиданиям совсем не пахло соляжкой, смазкой или промасленной ветошью. БТР мягко тронулся и, судя по показаниям спидометра, набрав невообразимую для своих собратьев скорость понесся над просветлевшей землей.

– Всем проверить магазины, если вдруг истощатся в бою, отходить назад и перезаряжаться.

Бойцы слушая капитана, кивали, не отводя между тем глаз от кеноидов, что растянувшись у ног Доктора прижались спинами к броне, будто сто лет вот так ездили. Меренков и сам посматривал на их лохматые спины наплевательски равнодушные к людскому изумлению, и наконец, спросил:

– Ну как там на Земле, Доктор, скоро ли помощь? Два года на Агартти не сахар, держимся, как можем, но...

– Два года? – Доктор открыл полуприкрытые глаза – Здесь прошло только два года?

– Ну да – кивнул Меренков – или вы хотите сказать, что на Земле...

– Иначе, капитан. Двадцать первый век разменяли недавно...

В кабине повисла тишина, все жадно смотрели на Журбина, а он, скользя взглядом по изможденным бледным лицам бойцов, старался подобрать нужные слова:

– Дома все хорошо. Севастопольский инцидент разрешился миром, войны удалось избежать, американцы убрались восвояси. Всколыхнувшийся путч вскоре утих, поменялось правительство, и может быть впервые за сорок лет мы зажили по-людски. Да вы и скоро сами убедитесь, удивитесь, как все здорово поменялось.

По лицам скользнули робкие, нерешительные улыбки. Имел ли он право сказать, что и сам не был за Периметром? Что Зона проглотила и держала в своих объятиях судьбы людей точно так же, как и далекая Агартти, и за эти десять лет

он не пересекал черту Периметра. Что легче – видеть временами синее небо, зная, что выхода нет, или же сумрачный склеп чужого мира и все же надеяться? Все как-то заулыбались, смутившись неожиданным переменам и странному повороту судьбы.

– Можно и мне полюбопытствовать? В разговоре со связистом, извините за бестактность, вы упомянули каких-то бесов, или мне послышалось? Бесы это такие рогатые и с хвостиками?

Бойцы бросали друг на друга косые взгляды, давя под взглядом Меренкова улыбки:

– Не совсем. Были бы у них эти самые рога, мы бы с ребятами знатно по ним настучали. Уж очень бы хотелось...

Кабину потряс приступ хохота, и Доктор даже начал сомневаться, туда ли он попал. Меренков вытер выступившие слезы, цыкнул на бойцов и продолжил, протискиваясь на сидение рядом с водителем:

– Бесы, сокращение от слова бесплотные. Обитатели Агарты, которых вы знаете как выворотников, хотя выворотниками они становятся только на Земле, обретая осязаемую оболочку.

– Как так? – удивился Доктор и любопытные кеноиды нашорошили уши, стараясь ничего не упустить.

– Не знаю – ответил Меренков, поглядывая на высящиеся каменные гребни – профессор Стержнев имеет догадки как это произошло, но делиться не спешит. Но его можно понять, столько дел, только успевай решать.

– Погодите, как здесь появилось обозначение Агарты? Я его слышал только от одного человека, Ионова...

– Как-то в форте «Дальний», расположенном на месте Первой Чернобыльской Зоны, вывалился человек. Сталкер не сталкер, в каком то странном защитном комбинезоне, он без конца бормотал это название. Так и стали все называть, с легкой руки ученых, до этого определенного названия не было.

Он хотел добавить что-то еще, осекся, поднял руку, все стихли, прислушиваясь к шелесту из репродукторов.

– Саш, что в эфире?

Связист снял дугу наушников и, оторвавшись от приборов, хмуро обронил:

– Стрельба. Пятый и семнадцатый не успевают. Пробую докричаться, но в эфире сейчас такое творится...

Меренков скрипнул зубами, скомандовал:

– Наружу! На прибывших насели бесформы, пули против них бесполезны.
Водитель – лампы на максимум!

Бойцы посыпали наружу, а капитан, помогая выбраться Доктору, протянул сверкнувший сталью автомат:

– Я знаю, вы человек мирный, но тут выбирать не приходится. Стрелять умеете?

– Приходилось – кивнул Доктор.

– Тогда все просто – нажимайте на курок и стреляйте. Меткости не требуется, главное не пугайтесь.

Едва Доктор спрыгнув вслед за Меренковым, мягко приземлился в толстый слой пепла, как над головой на всю мощь вспыхнули лучи рефлекторов, прорезая муть небес и выхватывая растянувшуюся цепь бойцов.

* * *

– Берегите патроны! – проорал Верес, выглядывая из-за камня и перещелкивая опустевший магазин – Полина, уверена, что мы попали по назначению? Обидно

пропасть, и не попасть!

Хмурый Хронос могучим движением забросив Полину на уступ, методично поливал узкое ущелье огнем из зажатого в другой руке автомата. Пули с визгом рикошетили от копошащейся черной волны и не нанося урона улетали в холодный рассвет.

- Откуда я знаю! - рявкнул у него над ухом подствольник и граната, прочертив огненную линию, взорвалась острыми брызгами в сгустке крабоподобных существ - «окно» вешал Шухов, с него и спрашивай!

- Ты мне напомни - Верес крякнул под весом взбирающегося по плечам Понырева - а то вдруг я забуду.

Хронос вспрыгнул на камень, вздернул разведчика следом и поставив рядом помог удержать равновесие.

- Вы так всегда прыгаете? Хрена се... в тяжелой экзе да порхать по скалам.

Постулатовец посмотрел на него безликими линзами маски и вдруг прижал палец к губам. Верес замолчал, переводя замерзающее в стылой мгле дыхание, наблюдая как в горловину вползает новая волна химерных существ. Не успели они вывалившись из «окна» прийти в себя, как эти текучие, меняющие форму существа затопили появившихся перед ними людей и моментально переработали. Даже следов не осталось. Интересно, сколько им потребуется времени, чтобы достичь уступа? Тот факт, что в экзе можно прыгать несомненно, плюс. В этих условиях особенно. Если как следует разогнаться и сигануть на ту сторону, то можно перепрыгнуть не успевших сомкнуть кольцо существ и уносить ноги. Неважно куда именно, желательно повыше, а определениями сторон света и поисками Севастополя, если только он находится здесь, можно заняться потом. Кто знает, сколько до него придется добираться, и главное куда. Может быть не один месяц, а тут, куда не кинь оком одно сплошное пепелище. Хотя стоп, что это? Стрельба? Откуда бы ей здесь взяться. Но сквозь скрежет вгрызающихся в камень бесформов были отчетливо слышны далекие очереди. Совсем рядом был кто-то еще. Неважно кто именно, но главное у них еще есть патроны, и пока что они держатся. Настроение немного приподнялось, но тут камень вздрогнув ощутимо осел, а копошащиеся внизу бесформы значительно покрупнели.

– Полина, что будем делать? Разговор с Шуховым я решил отложить на потом. В виде признательности.

– Надо пробиваться – обронила Полина, наблюдая как с острой клыкоподобной вершины спускается Поньрев.

– Ага, теперь хоть знаем куда. Кстати, кто были те двое, которых переработали эти... елки... они стали еще больше!

Едва Полина высунула голову, как снизу раздался визг, и уступ с хрустом прошел ряд зияющих отверстий. Разведчик отдернул ее к основанию, прижал к себе и напоролся на насмешливый взгляд:

– Ты выбрал не самое удачное время для приставаний!

– Что это было? – прохрипел разведчик, игнорируя насмешку «гласа Постулата».

– Металл – коротко констатировал Харон, выковыривая из экзоскелета шарик и протягивая Вересу.

– Охренеть, с каждым днем все радостнее жить! Мне кажется, или он из такого же метала, как и экса?

– В таком случае у них теперь приличный запас пуль. Надо уходить, с той стороны их мало, еще можно перепрыгнуть!

Полина кивнула подоспевшему Поньреву, и прижимаясь к основанию они поползли на другую сторону. Верес опасался, что сорвавшиеся из-под ног сколки выдадут их маневр. Но иззубренная седая скала была прочнее всех известных ему пород, ветер вылизав ее со всех сторон, давно стер мелкие камешки в пыль. Ноги по щиколотки увязали в вездесущем пепле, приглушая движение. Прислушиваясь к редяющей стрельбе, они обогнули скалу, обнаружив, что с другой стороны существ почти не было. Узкую колышущуюся ленту можно вполне было перепрыгнуть, если не задавать вопросов о том, насколько быстро они движутся. Не спрашивая разрешения, Харон сгреб в охапку Полину, Поньрев закинул разведчика на спину и присев сделал гигантский прыжок. Усиленная пневматика ног приняла на себя удар от соприкосновения с твердью и, отбросив

Вереса в сторону, он покотился кубарем по черной земле. Разведчик отплеывая пепел вскочил на ноги, а рядом уже приземлился Харон, бережно прижимая к выщербленной царапинами броне драгоценный «глас Постулата». Они кинулись в сторону канонады, сзади раздался пронзительный визг – бесформы обнаружили ускользящую добычу. От ускорения ветер засвистел в ушах, и вскоре перед ними раскинулся очередной массивный гребень, вершина которого озарялась вспышками выстрелов. Незнакомый отряд был загнан в подковообразный изгиб и огрызался от нападающих разжиревших существ короткими очередями. Над самыми головами что-то ухнуло и с пронзительным визгом врезалось в громадную скалу, разбивая ее вдребезги. Отброшенные взрывной волной они покатались по земле и рухнули в какую-то рытвину. Когда Полина подняла кружащуюся голову, то чуть не обомлела вторично. На нее, крепко сжимая в объятьях тонкий стан, смотрел перепачканный пеплом Лист.

– Привет, Полина.

– Лист! Я же тебя уже успела сто раз похоронить! – она ударила его в сердцах рукой в грудь.

– Ну, это ты зря – покивал он головой – помирать еще рано.

– Эй, вы там – слышался голос – если наобнимались, то подумайте, что делать с этими подползающими тушами.

Лист обернулся и увидел шипящего Вереса, потирающего ушибленную при приземлении голову.

Подняв Полину, он подхватил кипящего от ревности разведчика и указал кивком на острую вершину:

– Быстрее вверх, толстые бесформы неповоротливы, даже им сразу не пробить эту скалу.

– Откуда ты знаешь, что не пробить? – недовольно поморщился Верес, цепляясь за расщелины и взбираясь вверх.

– Надолго их не хватит – проигнорировал вопрос Лист – помощь близко.

– Какая – поинтересовался Верес – как говаривал Схима —

«Не отчаивайся даже среди ужаса и мрака, готова помощь твоя, Христос грядет?»

Лист уставился на него изучающим взглядом и спросил Полину:

– Удивляюсь, как ты его до сих пор не пристрелила.

– Иного не нашлось, но иногда рука так и чесалась. Вдобавок, болтун в Зоне, находка для шпионки!

Верес хотел бросить что-то колкое, но внизу снова ухнуло, и чуть ниже них в скалу врезался громадный обломок. Увидев приближающийся снизу отряд, люди на вершине сосредоточили огонь на перекатывающейся глыбе бесформа. Пули бессильно чиркали по его каменной толще, и Верес осмелев крикнул:

– Без толку, они сейчас все переварят и отрыгнут назад!

– Пусть – вскакивая на вершину, ответил Лист – пульсаром подавятся.

– Что за пульсар такой?

Лист тяжело вздохнул, выискивая кого-то глазами:

– Григорий, болтливость излечима?

– Вполне – улыбнулся доминус встряхнув окованный бляшками капюшон – один сеанс и будет тише воды.

– Спасибо, доктор, полегчало! – пролепетал Верес, скользнув по непроницаемому лицу доминуса, кивнул подошедшему Звездочету, и распахнул в изумлении глаза, при виде канувшего в лету Крипты.

– Вижу, наша незнакомка с грузовика тоже здесь – кивком поздоровался Звездочет – ну и наделали же вы переполоху в Зоне, сударыня! Право, место для встречи и прибытия выбрано не очень удачно.

– Это того стоило – ответила Полина поглядывая на кружащих в нетерпении бесформов – насколько я понимаю, вы генерал Трепетов, известный в Зоне как Звездочет?

Тот кивнул, взяв за локоть отстранил от обрыва и посмотрел на Григория:

– Кто бы мог подумать, что пропущенные через «постулат» будут иметь такую сопротивляемость к волне.

– Это точно – согласился доминус, прислушиваясь и извиняющееся улыбнулся – нет, я их не слышу. Одно из двух: либо они вывалились далеко от прокола «окна», либо... не прошли.

– Кто? – выдохнул Верес.

– Брама и Самум – бросил Лист – и еще Ионов. Но за ним плакать никто не станет, сожрали при приземлении, и даже бессмертие не помогло.

– А вот Журбин, тот близко. Да не один, а на Авроре! – засмеялся Григорий.

С этими словами сумрак прорезал невыносимо яркий луч и ударил в самую гущу бесформов. Люди прижались к скале ожидая неминуемого взрыва, но бесформ лишь тяжело осел и рассыпался кучей пепла. На узкое плато, озаряя сумрачный день, ворвалось сияющее пятно, спустя мгновение следом выпрыгнуло еще два, устремившись в сторону бесформов. Люди торжествующе закричали, а снизу продолжали бить яркие сиреневые очереди, оттесняя темную волну. Бесформы заволновались и начали откатываться, одно из пятен, сложив уши-паруса, превратилось в БТР, что лупя вспышками спаренных стволов победоносно притормозил у скалы. Прибывшие начали спускаться вниз, в объятия бойцов в черно-серой броне. Образовалась кутерьма. Опешивший при виде такой толпы Меренков никак не ожидал, что прибывшие сумеют продержаться до их прихода. Он с удивлением рассматривал стоявших обособленно постулатовцев в экзоскелетах, хлопнул по плечам Звездочета, но увидев блеснувшие на сталкерском комбинезоне знаки отличия отдал честь, а потом закружил Полину

в объятьях:

- Полинка, красавица ты наша! Смогла, прорвалась! Ай, да сестрица!

- Мистраль! – раздавалось с другой стороны – Жив, жив!

Это был день встреч под чужим угрюмым светилом, в мире, находящемся от Земли бесконечно далеко и бесконечно близком, на расстоянии тонкой временной перегородки. Радость встречи была омрачена гибелью добряка Браммы и молчаливого Самума, и по многим суровым лицам на мертвую землю Агарты скатились скупые солдатские слезы. В подоспевших бортах семнадцать и пять был найден, как это заведено у военных, припасенный на всякий случай спирт. Мятые жестяные кружки молча передавались по кругу, а потом под низким небом раздался траурный салют автоматных очередей вперемешку с беззвучными сиреневыми вспышками пульсаров. Наконец, прибывших распределили по машинам, и тяжелогруженные БТРы взяли обратный курс на Севастополь.

- 02 —

Зона. Развязка

Баюн, вскарабкавшись после плотного завтрака на толстенную ветку, вылизывал шерсть. Шершавый язык скользил по безупречно белой шерстке, заставляя ее играть радужными бликами. Он был доволен: мяса много, а люди, как всегда неповоротливы и глупы. Иногда они даже играли, забавно разбегаясь во все стороны, щекоча грохотом из железных палок, что было еще интереснее. Очень забавно, весело догонять их вприпрыжку, сбивать мягкой лапой и смотреть, как жертва, копошась на карачках пытается отползти. И тогда баюн улыбался, правда, люди не понимали, что это улыбка и вопили еще сильнее. И это было печально и баюн, разочаровано фыркнув, уходил. Баюны не едят людей, им просто нравится с ними играть, а все рассказы, будто они людоеды, сущее вранье. В Зоне и так вдоволь мяса повкуснее, а вот поиграть не с кем. И когда ему становилось совсем скучно, он вскарабкивался куда повыше и пел. Заслушав

его раскатистое пение многие подходя садились наземь и заслушивались иногда до полусмерти. От этого баюну снова становилось одиноко, и он вспоминал полузабытые, почти стершиеся из памяти слова: «Увольте Бога ради, это же не котята, это боевые машины, зачем их чеширить лишний раз?»

Рядом что-то взвизгнуло, приоткрыв один глаз, баюн лениво уставился на застывшее в воздухе мерцающее пятно. Оттуда вывалились люди и, покотившись по земле и высекая искры, растянулись в зарослях густой травы, словно прячась. Он даже подпрыгнул от возбуждения – с ним хотят поиграть! Издав довольное урчание баюн сделался прозрачным, и не потревожив ни единого листика скользнул вниз.

* * *

– Вот же... – ругнулся Брама уставившись на мерцающую перед носом «теслу» – кто там стонет? Стоните потише, мне и без вас тошно!

– Тоже мне, советчик... – раздался из кустов недовольный голос.

Брама довольно заулыбался, раз посылает – жить будет. Выпрямившись, он задумчиво почесал металлическую каску, прикидывая, отчего эта самая Агартти так похожа на дальнюю оконечность Развязки.

– Мне кажется или мы дома? – выполз из лопухов, потряхивая головой Самум.

– Черт его знает, но очень похоже. Знать бы еще, прошли ли остальные, или всех вот так пинками раскидало?

– Предлагаешь вернуться на Экс-один?

– Что бы я опять сунулся в это подземелье? У меня до сих пор поджилки трясутся при упоминании этого упырища. Митош он мужик конечно нормальный, только страшный до жути. Нет, спасибо, это вы без меня.

Самум снял шлем и потрепал взопревшие волосы, задумчиво поглядывая в сторону болот:

– Значит, двинем на Арсенал, я сыт болотами по самое не могу. В постулатовской экзе мы пройдем по Развязке без проблем, а дальше как? С вашего блокпоста нам вряд ли хлеб соль поднесут.

– Пошли, а с блокпостом я уж как-нибудь договорюсь.

– Что, снимешь экзу и голышом к ним отправишься?

– Размечтался. Вот правильно говорят, что у вас в комитете все мужики через одного не совсем правильные!

– Да ты не беспокойся – осклабился Самум, одевая шлем – я не по этим делам. Но все-таки?

Брама насторожено двинулся в сторону напичканной аномалиями узкой дороги и отозвался:

– У нас для таких случаев есть оборудованный схрон. Броня, аптечки, ну и прочие радости. У тебя курить не будет?

– Бросил – процедил особист, присматриваясь к шевелящимся веткам сирени – снайпера они по огонькам любят...

– Это ты зря – пожал плечами путник, бросил камешек и чертыхнувшись отскочил от взвившейся ленты пламени – Видел, как полыхнуло, красиво, правда? Метров пять язык, не меньше... Курево оно успокаивает, расслабляет, что ли.

– Один раз расслабился и свободен. Я вон на болотах зазевался, а сзади чушь какая-то как вылезла ну и...

– Кстати, ты так и не рассказал, что там делал, один одинешенек без братьев по оружию. Пошли. Кажись, притухло.

Брама обстрелял болтами участок, из которого бил язык пламени, прошел несколько шагов, замер, и вопросительно подняв бровь, уставился на особиста. Тот вздохнул и пошел следом, настороженно посматривая по сторонам:

- Гриф что-то пронюхал о «сиянии» и отправлял народ на Экс-один пачками. Некий «заказчик» весьма заинтересован в конечном результате, платит большие деньги, и расход человеческого материала тут не важен. Я на добровольных началах, проводил «кадровую политику», заботясь о том, чтобы туда никто не дошел или не вернулся. Такой вот расклад. Мерзкая работа, но ее тоже кто-то должен делать. Всем ведь нельзя быть чистеньким, Брама.

- Понятно - ответил тот и, виляя меж аномалий, направился к акведуку - думал, вы все больше по выворотникам.

- С выворотниками дело хуже некуда. Если на Периметре не поймаешь, то дальше отследить проблемно, практически невозможно. Конечно, мы сканируем народ при выходе, ловим кое-кого, но толку от этого мало. Проскальзывают.

Войдя в проход, Брама с лязгом грохнулся на изгвазданный кровью бетон и над его головой сверкнул разряд, коснувшись экзоскелета зазмеился сверкающими искрами и через минуту пропал.

- Брама? - прошептал Самум, вскидывая винтовку - ты как там?

- Как пионер, всегда готов! - Брама осторожно встал - Слава Постулату за мое счастливое детство! Если встречу кого из них - обязательно проставлюсь, если раньше не пристрелю. Тут не угадаешь.

- Давай я вперед - отстранил его особист - все-таки Развязку лучше знаю.

Путник пожал плечами и, взяв «грозу» наизготовку, присмотрелся к бредущему вдалеке зомби:

- Пошли. Если увидишь чего интересного - кричи. Но не очень громко.

- Уже вижу.

- Что? – вытянул голову путник – Где?

- Чуть впереди и правее следы от костерка видишь?

- Ну, вижу, и что из того?

- Рядом валяется картонная пачка, на вид от сигарет. При опухании от недостатка никотина можно проверить.

Брама фыркнул, но двинул к раскиданным углям.

Попробовав стволом смятую пачку, поднял, понюхал и недовольно сморщился:

- Ну и вонь!

- Может зараза какая – Самум взял пачку – нет, пахнет табаком, но такое впечатление, пролежало в нужнике самое меньшее месяц. Странно все это.

- Вашему брату все странно – пробурчал хмуро Брама и сплюнул в досаде на землю.

- Ты видел в Зоне кроме «Путник» другие сорта сигарет? – Самум вопросительно посмотрел на путника.

- Ну, у вояк есть, «Столичные» там, но только у духов. Остальные быстро переходят на наши.

- Ага, вот и я о том. Хоть убей, не помню никаких «Прилук».

Брама поймал брошенную особистом смятую коробку и прочитал на коричневом боку тисненное золотом название.

- Бред какой то. Город такой знаю. Небольшой городишко, но что бы они такую дрянь выпускали, в первый раз слышу.

Самум многозначительно кивнул и осторожным шагом пошел вперед. Что ни говори, но Шуман все-таки кудесник. Еще сегодня особист был полутрупом, а теперь вот снова топчет Зону. И ведь даже не болит ничего, что вообще странно.

На Развязке все было по-старому, да и что там могло измениться? Все те же длинные составы, увенчанные мочалами жгучего пуха, да проржавевшие до самого основания вагоны, из которых вываливались в заросли бурьяна груды спрессованного и слежавшегося угля. Живности тут всегда было немеряно, только успевай поглядывать по сторонам. То байбаки, чирикающая жадной стаей, начнут виться кругами, норовя вскочить по одежде и добраться до горла, то слепыши вылетят, что б им пусто было. Одним словом, рай для желающих пострелять, а при недостатке патронов отбиваться ножом. Белесые, полупрозрачные упыри, тоже не редкость, хотя, они, в основном, предпочитают длинные ангары, которых на каждой станционной развязке в достаточном количестве. Гиббоны те же, вырвавшиеся из вивисекторских мутировавшие шимпанзоны, обладающие повышенной прыгучестью и плотностью хитинового покрова, вполне могли забить одинокого бойца насмерть, а вот зомбей нет. Зомби они совсем безголовые, бредут от Изумрудного озера и им, в сущности, глубоко плевать, есть впереди аномалии или нет. Оттого и наворачиваются пачками, а падальщики они очень даже за. С недостроенных высоток хорошо просматривалась вся территория, и при такой активности кишачей живности нет ничего удивительно, что шпики предпочитают сидеть наверху, сверкая линзами оптики и изредка со скуки постреливая.

Самум сделал знак, и прижал замершего Брамму к серой стене:

– Вот расселись, змеи подколотые! Будем надеяться они еще не в курсе, что пребывают в тени внешней, подлежа всяким правоверным Постулата к истреблению. Говорить буду я, а ты лучше помалкивай только изредка кивай, что бы за вконец контуженного не приняли. Хотя, что взять с постулатовцев, они по жизни отмороженные.

– А если они твой голос узнают? – бросил с сомнением Брама, набивая магазин.

– Через маску не узнают, звук как из бочки. Все, не суетись и двигайся на расслабоне.

Они вышли из-за угла, двигаясь неспешно и отрешенно, лишь изредка поглядывая по сторонам. Их, несомненно, уже заметили. Резко очерченные силуэты шпигов были отчетливо видны на фоне серого неба, и в другой раз Брама не преминул бы шамальнуть по ним из подствольника, в целях сугубо профилактических, но сейчас только и оставалось, что переставлять деревянные ноги, размерено шагая к высотке недостроенных зданий.

Станционная развязка так и осталась недостроенной до конца. Вокруг громоздились груды строительного материала: кучи бетонных плит всевозможной конфигурации, громадные деревянные катушки с кабелем, вагоны кирпича и прочие принадлежности когда-то кипучего, спешно заброшенного строительства. «Арсенал» не зря назывался Арсеналом. До образования Зоны здесь располагались военные заводы, производящее, в основном, экспериментальное оружие и мобильную компенсационную броню нового типа, позже доработанную стариками пути и превращенную, благодаря некоторым аномальным добавкам в те самые знаменитые мимикрирующие хамелеоны, способные держать в упор автоматную очередь из калашникова. Дальше ржавые рельсы тянули к Сухой ложбине и вели куда-то в сторону Глуши, которая воздвигалась с непонятными целями, и была также основательно заброшена.

Канюк спустился навстречу внушительным фигурам, настороженно поглядывая сквозь вырезы спецназовской маски. Постулатовцев он видел не впервой, но всякий раз при встрече с ними испытывал какое-то странное омерзение, будто и не люди вовсе, а ожившие трупы. Их появление само по себе плохой знак. Постулатовцы шли прямо на него, будто не видя, и остановившись в каких-то двух метрах, безжизненно уставились стеклянными линзами.

– Что надобно братьям? – осведомился шпиг, чувствуя, как по спине бегут мурашки.

– Броня Пути, два образца. Новые.

– А что взамен? – сразу переключился на деловую волну Канюк.

Постулатовец бросил шпику какой-то кругляш, и застыл в ожидании.

– Откуда это? – сглотнул слюну Канюк.

– Кондор велел оказывать содействие. Броня Пути. Два образца. Ждем десять минут.

Шпик, какое-то мгновение раздумывал, а потом кинулся наверх, отдавая приказы. И уже через пять минут перед постулатовцами лежали два тщательно запаянных пакета, а наемники поспешили исчезнуть с глаз. Не сказав ни слова, они подняли свертки с земли, отстранили Канюка в сторону и удалились в сторону прохода на заводы Арсенала. Пройдя какое-то расстояние, Самум развернулся, и, не говоря ни слова, выстрелил в сторону высоты. На далекой оптике блеснуло солнце, и особист облегченно вздохнул:

– Теперь отстанут. Можно идти спокойно.

– А кто такой этот самый, Кондор? – осведомился Брама, рассматривая длинный ряд гаражей.

– Командор шпиков из Чертова леса. Нейтрализатор у них что-то вроде знака особых полномочий. Всем подряд такие не выдают, слишком дорого стоят. Далеко твой схрон? Жалко бросать такую экзу, знатная броня.

– Где-то здесь и должен быть. Не я закладывал этот схрон, но ребята оставили метки. Ага, это здесь.

Самум вошел вслед за Брамой в старый гараж, и спрыгнул в смотровую яму. Путник опустился на колени, что-то нажал и кусок старой кладки бесшумно отъехал в сторону. Быстро переодевшись, они закрыли лаз, и насыпали сверху валявшегося в изобилии мусора. Незачем тут лазить ненужным людям. Брама сразу приосанился, захрустел новенькой броней, хмыкнув, зачем-то потер нагрудную броню и выглянул наружу.

– Все путем, можно идти.

Прикрывая друг другу спины, они вошли в узкий проход, насторожено водя стволами по слепым глазницам Развязки. Многие расстались с жизнями уже на пороге, расслабившись на одно короткое мгновение. Опустив за особистом броневой лист Брама, облегченно вздохнул:

– Вот теперь живем! Первым делом доложимся Кречету, а дальше посмотрим. Сам-то куда думаешь сейчас?

– На Периметр, куда же мне еще идти.

Они миновали блок пост. На душе было горько, то ли от скорого расставания, то ли от усталости. Брама кивнул наряду и двинулся внутрь. На базе царило непонятное запустение, всюду чувствовалась не ухоженность и какая-то потерянности. Прямо посреди ангара, загораживая проход, вокруг коптящего в прогорелой бочке костра расселась кучка сталкеров-бродяг, больше напоминающая оборванцев. Один лениво брэнчал на гитаре, другой тоскливо смотрел на пламя, а третий бубнил под нос что-то невнятное.

– А это что еще за цирк? – упер руки в бока Брама – Почему загораживаем проход в боевой обстановке? Откуда нарисовались такие чумазые, кто пустил?

– Эээ, командир – лениво приоткрыл глаз один – кончай пургу гнать. Хорошо сидим.

Но на этом его сидение закончилось. Кулак Брамы мелькнул с невообразимой скоростью, и наглец отлетел к стене.

– Еще раз спрашиваю – кто пустил вас на Базу? – прошипел Брама голосом не предвещающим ничего хорошего.

– Командир, все – мир! – вскочил один из бомжеватых сталкеров, вытянув руки – прошли, как и все, с Могильника.

– Что бы через пять минут огнеопасная обстановка была устранена, а эта... эта... – Брама из последних сил старался подобрать культурное обозначение для прогоревшей бочки – эта... конструкция была вышвырнута вон! Время пошло.

Сталкеры заметались, а Брама вылетел из ангара.

– И что это было? – спросил Самум.

– Да я почему знаю – гаркнул путник – вот спрошу у дневального кто пустил сюда этих оборванцев.

Едва он успел это промолвить, как застыл словно вкопанный – прямо на проходе, ведущем на плац, расселась такая же публика. В воздухе витало неповторимое амбре сивушного духа и нестираных носков. Брама с разгону влетел в круг, пинками выбросил их наружу и при виде подбегающего на образовавшуюся заварушку путника рявкнул:

– Этим десять суток карцера! Исполнять!

Путник расхлябано отдал честь и начал выволакивать за ноги поползшего на четвереньках пьяного сталкера, обратно.

Брама развернулся на каблуках и, трясясь от злости, направился в сторону штаба.

– Всего на один день отлучился с Базы, и сразу налезла всякая шваль!

Он вихрем пролетел по штабу, влетел в кабинет Кречета, и пулей выскочил обратно.

– Дневальный, где генерал?

– А я почему знаю? Улетел, наверное – сонно пролепетал тот.

Браму подскочил как ужаленный и схватив за воротник как следует трепанул:

– Как это улетел? Куда?

– В Киев ...наверное.

Брама отпустил задыхающегося дневального, тяжело опустился на стул и залпом опустошил пол графина:

– Самум, что-то мне нехорошо.

– Я заметил. Как-то это все...

– Странно?

– Угу – заложив руки за спину и вышагивая перед плакатами, кивнул особист – очень странно. Особенно сие! Что это?

С этими словами он ткнул пальцем на стенд с приказами, где на самом верху красовался желто-синий флаг, а вместо герба нарисована какая-то нелепица вроде вилки. Дневальный переводил испуганные глаза с Браны, на играющего желваками особиста, подумывая о том, как бы незаметно удрать, и едва слышно проблеял:

– Тризуб.

– Что? – заревел Самум – Так ты бандеровец? Кто нарисовал? Да я... да ты! Под трибунал пойдешь за такие дела!!!

Заслышав праведные вопли особиста, в штаб вбежали путники, не понимая в чем, собственно, дело.

– Браня – бросил один от порога – а это вообще кто такой?

Браня рывком поднял голову и распахнул безумные глаза:

– Корма? Так ты же вроде как умер.

– 03 —

Зона. Шахты

Меж размытых в тумане серых сосен раздавался приглушенный рокот. БТРы, нахоясь горбатыми спинами, настороженно ползли по изрытой рвами дороге,

часто останавливаясь и сползая на глинистую обочину, минуя опасные участки. Вокруг мерцали аномалии, порядком прибитые дождем и от этого еще опаснее, сводя скорость продвижения к нулю. Колона, слишком громкое слово для обозначения двух машин, которые военные отдали путникам и лесникам вместо потрепанного в Коридоре БТРа и угробленного газика, расцветшего напоследок махровым цветом. В прямом смысле этого слова. Подцепленная при вылазке на Периметр «ржавчина» пустила развесистые пучки, разъедая машину на ходу. Распадающийся газик подцепили на длинный трос, отбуксировали в ближайший ярк и сожгли со всеми почестями: с суетящимися вокруг бойцами химзащиты и морем смрадного дезактиватора. Иначе никак. С «ржавчиной» шутки плохи, она может перекинуться не только на другие машины, но и на людей. Ей безразлично, что глотать, проржавевший швеллер где-то на Лабиринте или гемоглобин. Человека съедает за пару дней и если вовремя не вколоть вакцину, то спасти уже невозможно. Но ее ведь сделали далеко не сразу, «ржавчине» никакой карантин не указ – погибших считали уже сотнями, утечки вовне удалось избежать только применив горячее оружие. Говоря проще, тщательно обработав зараженный гарнизон и окрестности термическими снарядами. Жестоко? Поверьте, погибать от выгрызающей изнутри «ржавчины» смерть не из легких и никакой морфин тут не помогает. Яркая вспышка неистово белого пламени это акт милосердия, погребальный костер павших воинов. Зона требует слишком высокую цену, и пока она существует, людям придется ее платить. Тут ведь не только от аномалий и зверья можно погибнуть, но и от мутировавших штаммов ранее безвредных или неизвестных микроорганизмов. Аптечки придумали уже потом, со временем, вколол инъекцию и будь здоров, топчи Зону, пока не приберет.

Трак приоткрыл люк, поежился от скатившихся за шиворот капель, и вылез наружу. БТР послушно остановился, стряхивая с покачивающейся антенны холодные серебристые гроздья. Рассевшиеся на броне лесники, облаченные в непромокаемые комбинезоны молча курили, грея озябшие пальцы. Исчезновение Журбина было шоком. Неизвестность хуже самой страшной, но определенной вести. Говорить не хотелось, и под стать погоде на душе было так же муторно и тоскливо. Трак постучал дремлющего Бурлака по плечу, тот приоткрыл глаза и спрыгнул следом в разлапистые кусты боярышника. Путник задумчиво смотрел на застывшие в холодном тумане машины и нервно курил:

– Паршиво как-то. Черт его знает, но ехать мимо крысиного города определенно не хочется.

- Там много крыс? - бросил Ирис, пытаюсь различить детали строений.

- Всяких хватает - хмыкнул сталкер - и обычных, и человекоподобных. Бандюки к шахтам не подходят, и не только они. Даже бывалых туда калачом не заманишь, хоть поживится там есть чем. Только стремно очень.

- И что там особого? У нас таких живописных мест хоть отбавляй. Даже свой Большой каньон есть. Ровенький такой, чем-то прожгли огромную рытвину в сторону Экс-один, или оттуда. Кто его разберет.

- Да, творились дела - протянул сталкер поглядывая в сторону шахт - старателей отсюда спешно уводили, а военные не бросили бы добро за просто так. Ведь этого ириния там, говорят, бульдозерами черпай.

- Туда после этого никто не ходил? - Ирис надвинул на глаза визор голема пытаюсь смотреть сквозь туман.

- Как же, не ходил - фыркнул Бурлак - когда особисты нас запускают в Зону, из шкуры лезут, лишь бы туда нашего брата направить, на добровольно-принудительной основе. Раньше были дураки, готовые туда лезть, сейчас - нет.

- Почему это? - поднял голову проснувшийся Кипарис - Вам ведь только дай возможность, залезете в самое пекло.

- А все дураки там сгнули. То ли бандюки прирезали на подступах, то ли еще что. Теперь охочих нет.

- Тогда зачем согласился вести нас этой стороной - Трак вопросительно посмотрел на сталкера - Тебе то что с этого?

- Я должен Доктору, им вот должен. Из Шахт можно выскочить на Сухую ложбину, а уж там и до Глуши рукой подать.

- Ври больше - потянулся Кипарис - думаешь, не вижу, отчего тебя туда тянет. Тайна, понимаешь, манит! Вот потому вас сталкерами и прозвали, любителями авантур и острых ощущений. Будто своего, нормального русского обозначения придумать не могли. Насмотрелись, понимаешь, Тарковского.

Проводник сконфузился:

- Так интересно же знать, что за фигня там такая особая. Сам бы я ни в жисть не пошел, а с вами можно. Вы столько лет Зону топтали, что мы даже рядом не стояли. БТРы те же, милое дело, если до серьезной свары дойдет. Но главное это они - Бурлак посмотрел на дремлющего Аргуса - с ними не страшно даже в Шахты идти.

- Стало быть ходил - фыркнул лесник - что и требовалось доказать. Рисконавты, блин! А знаешь, отчего это все у вас, сталкеров, происходит? Растолкую бесплатно и без всякого психоанализа.

Дремавшие лесники продрали глаза, прислушиваясь к спору. Кипарису палец в рот не клади, вмиг оттяпает. За Заслоном как у себя дома гуляет, даже в Припяти бывал. Такого насмотрелся, что может и к лучшему, что не прошли они тогда через центр, в надежде найти выход с другой стороны. Хотя десять лет прошло, многое могло измениться.

- Все просто. Если вы вылезаете живыми из очередной аномальной душегубки, то оклемавшись напишете на Периметре кучу рапортов, а потом благополучно убираетесь домой. А нам некуда идти, наш дом здесь. Зачем лезть на погибель ради кучи бессмысленных раскрашенных бумажек, если новый прорыв все поменяет?

- «...отзовитесь. Есть кто живой?» - внезапно прозвучал искаженный голос.

- Коперник, тут Трак! - путник выплюнул сигарету и спешно поднес голем к глазам.

- Какого лешего у вас происходит? Почему не выходите на связь?

- В Коридоре что-то село. Что непонятно, но играет нашими танками как игрушками, едва ноги унесли. Связь глушит намертво, даже с голема теперь не дозваться. Паганеля послали предупредить, чтобы никто не совался.

- Уже в курсе, Могильник как улей гудит. Как Периметр, все прошло удачно?

- Как сказать, БТР размоловило в хлам, все живы...

- Не разводи темень, сигнал едва держится, вот-вот рухнет.

- Выворотник забрал Доктора.

- Что? Какой выворотник, куда забрал?

- Это был Старик. Собаки его учуяли и к стене приперли, он открыл, что-то вроде воронки и ушел. Мы глазом моргнуть не успели, как Доктор за ним сиганул, следом Аметист с Греем, и пропали.

- Стой, если эта штука в Коридоре отрезает сигнал, как ты вышел на связь, откуда говорите?

- Идем через Шахты на Ложбину.

- Совсем жить расхотелось, это же самоубийство!

- Надо пробивать новый путь. С нами проводник, и две новых коробочки. Не ждать же пока эта чушь сама исчезнет?

Какое-то время из голема доносился вой помех, а потом Коперник вдохнул:

- Ладно, идите. Нам сейчас эти две машины позарез нужны. У нас тут тоже события. Не успели мы с лесниками взять Экс-два в тиски, как из воздуха появился кеноид. Огромный такой, больше шкилябры. Мы даже рты открыли, а кены на брюхо и хвостами бить. Сказал, Полина и Верес уже на той стороне. Где находится та самая сторона, не уточнил, но добавил - постулат объявляет перемирие и закрывает все подступы к уровню, вплоть до особого распоряжения.

- Мир с Постулатом? Лесники еще куда ни шло, свои ведь ребята, но постулат!

- Мы тоже не испытываем буйного восторга. Потому ползите сюда, но осторожно

- Шахты это не игрушки. Отбой.

Трак обвел лесников хмурым взглядом. Кипарис недобро прищурился:

- Если появился Кайман, то дело худо. Но можно быть уверенным в одном – на Экс-два теперь не пройти.

- Вы же говорили, он вроде как умер.

- Умер, но время от времени наведывается.

- Понятно – подытожил путник – я во всей этой метафизике не очень разбираюсь, но приму к сведению.

Ирис сделал знак «тишина» все замолкли, прислушиваясь к редкому биению капель и завыванию ветра в верхушках сосен. Дремавший Аргус, лохматый от серебрившихся на шерсти капель, поднял голову и посмотрел в сторону Шахт.

- Там что-то происходит – выдохнул Ирис – нам надо туда.

- А как же приказ? – Трак с опаской уставился на проступившие очертания приземистых строений.

- Приказ отдавал Коперник, значит ты и исполняй. Мы подчиняемся Брюсу и руководству ПРО. Нам нужно туда: словами этого не объяснить – ум ищет доводы, а сердце просто знает. Езжайте, обратную дорогу мы найдем сами.

Путник застыл в нерешительности, раздумывая, а потом толкнул Бурлака в плечо и запрыгнул на броню:

- Поехали. От нас тут будет мало толку, автомат мне как-то понятнее, чем вся эта мистика.

Судя по бегущим глазам сталкера было видно, он сам не прочь быстрее убраться от опасного соседства. Он взялся их провести по краешку гибельного марева, но лезть в Шахты не подписывался. Несколько лесников, вскинув рюкзаки, бесшумно скользнули в мокрую траву, стараясь не тревожить мыслительную связь менталов. Трак прощаясь, кивнул, смиряясь с выбором лесников, получив приказ не задерживаться. Не отзовись голем, он бы не

колеблясь пошел с ними. За этот длинный день он успел привыкнуть к этим немногословным, собранным ребятам. В Зоне нет времени на какое-то особое проявление расположенности и чувств – тут, в основном, стреляют. Но как сказал Ирис – сердце просто знает. Нырнув в очередную колдобину БТРы устремились вдоль лесополосы в сторону Сухой Ложбины.

Некоторое время лесники прислушивались к чужому лесу. Он был другой, не такой как на Глуши – угрюмый и настороженный, рассматривал сотнями глаз, жгучи спины недобрым тяжелым взглядом. Топаз и Грета привычно шли по сторонам, готовые молниеносно среагировать на опасность, появившуюся из вязкой тишины, нарушаемой завыванием ветра да ударами тяжелых капель. Аргус с Ирисом двигались впереди, прокладывая путь. Собственно, каждый из них мог вести отряд даже с закрытыми глазами, ощущая хищное биение аномальный полей, дав в этом фору голему. Приборы это костыли разума, и если их нет рядом, приходится использовать то, что есть.

Долгое соседство с кеноидами пробудило дремавшие способности к сверхчувствительности. Это было не то, грубое сенсорное восприятие, которое далекий от понимания тонких материй обыватель считал вершиной возможностей. Симбиотическая эволюция лесников шагнула много дальше нежели пресловутая экстрасенсорика, самый внешний, потому замеченный и подтвержденный наукой уровень воздействия. По сути, это обычное электромагнитное поле живого организма, которым некоторые научились осознанно управлять. До революции, в пору когда стремительно развивающаяся наука потеснила одряхлевшую, застывшую религию, оно называлось магнетизмом, но отдельной наукой так и не стало, вследствие тяги к оккультизму и прочему мракобесию.

Изменения лесников коснулись чувств, дав возможность чувствовать и воспринимать мир намного глубже и тоньше, коснулось мысли, ускорив скорость мыслительных процессов на несколько порядков, что сказывалось и на скорости рефлексов, и на умении интуитивно находить оптимально возможное решение. Но при этом они не становились какими-то особыми «сверхлюдьми», цивилизация достаточно натерпелась из-за идеи сверхчеловека, чтобы вторично наступать на те же грабли. Изменения происходили медленно, незаметно для них самих, принимаясь как неизбежный факт приспособляемости разума к условиям Зоны. Была ли это ирония судьбы или над всем этим довлело провидение чьей-то незримой воли, куда более совершенной и могущественной, нежели недалекновидный человеческий разум, останется загадкой, которых в

Зоне хватает с избытком. Но идея Журбина о симбиотическом сотрудничестве двух разумных видов воплотилась в жизнь сама собой, исподволь, без каких-либо подвижек или шагов с его стороны. Просто совершилось как данность, как очевидный факт – на Земле появилась новая ветвь разума, пока еще молодая, но куда более гуманная чем наша, человеческая. Возможно, так и должно быть – семя жизни, засеянное на множестве звездных систем должно порождать разум, бесконечно восходящий по спирали развития, смыкаясь между собою в цепи единства. Но то удел далекого, звездного Ефремовского будущего, с одой ноосферному лучистому человечеству преодолевающему время и пространство, которое начиналось здесь, с малого зернышка доверия и принятия.

Впереди медленно вырисовывалось, проступая, проявляясь в сером тумане, словно на фотопленке, угловатое здание, зияя подернутыми покрывалами паутины, темными провалами. Колючий ветер швырял в лицо противную морось, словно отталкивая, гоня прочь от этого мрачного, забытого Богом и людьми места. Где-то в подлеске хрипло, с надрывом прокричала какая-то птица и медленно бредущий Аргус, мокрый от холодной росы, облепленный колючими семенами замер, и в головы прыгнул образ длинных черных коридоров. Остро пахло опасностью, автоматы взлетели в руки, хотя стрелять было некуда. Отточенный годами ночных караулов и вылазками северной стороной рефлекс брал свое. Хотя далеко не каждую опасность можно увидеть глазами и скосить свинцовой очередью. Бывают вещи куда более опасные, нежели голодная шкилябра или химерник, могущие выпить ум или душу, оставляя тело пустой оболочкой. Лесники рухнули в мокрую траву и, извиваясь змеями, поползли в сторону серого куба. С возникновением Зоны быстрота разворачивания ириниевых приисков велось с размахом. Широта славянской души не разменивалась пустяками: и если велась стройка, так непременно всесоюзная, если строился коммунизм, то только всемирный и на века. Никто не знал, что произошло, военные уходили среди ночи, бросая технику, грузя людей в товарняки и гоня на ту сторону Периметра, слушая, как лопаются вдогонку подпорки и обрушиваются прорубленные в болотистых землях тоннели. Ходили слухи, будто они пытались вернуться и взять Шахты под контроль. Ириний, практически неистощимый, экологически безопасный источник энергии был слишком ценен. Ценнее, нежели жизнь отдельно взятого человеческого индивида.

Кеноиды не таясь шли впереди, оставляя в заиндевевшей траве проторенные мощными телами темные дорожки, хотя жаркий знойный июнь подходил к середине. Шахты жили иной жизнью, стоя над привычными законами. И если где-

то и была преисподняя, то она выглядела именно так – серо, угрюмо и стыло. Несомненно, где-то здесь должен быть свой цербер, охраняющий проход на ту сторону, не его ли мертвое прикосновение чуяли насторожившиеся кеноиды? Нигде не видно часовых, и это очень подозрительно. Конечно, дисциплина у бандитов никакая, но в таком гиблом месте даже у них ушки должны быть на макушке. Они хоть и обдолбанные пылью, но далеко ведь не дураки.

Внезапно из ушей словно выбило пробки и, вырвавшись из вязкой пелены, они покатались по траве. Их оглушило густым запахом омытого дождем леса и серебристой росы. Они не мешкая прильнули к бетонным стенам, судорожно хватая горячий воздух. От кеноидов во все стороны валил пар, но они, словно не замечая перемены, замерли неподвижными лохматыми глыбами, уставившись в темные проемы.

– Ирис, что это было? – прошептал Кипарис, вода кончиком ствола по молчаливым провалам стен.

– Пока не знаю, позже разберемся. Нам внутрь.

– Тебе виднее, не зря вас собирал Доктор перед походом. Видать, сказал что-то важное. Отдышались?

Кеноиды, уловив движение мысли ведущего, прыгнули в проемы, и лесники устремились за ними. Не зря их звали лесниками, они перемещались подобно теням, беззвучно и молниеносно даже в переполненном аномальном лабиринте. Меж раскиданных строительных козел и груд стройматериала темнели следы от кострищ, валялись растоптанные окурки, пахло чем-то приторным. Лесники пронеслись по этажам, перепрыгивая через груды разбитой в щепы сколоченной из ящичков нехитрой мебели, ухитряясь при этом не наступать на усевавшие пол гильзы. Горицвет присев подобрал несколько медных кругляшей, и вертя в пальцах посмотрел на покрытые кровью стены.

– Что? – повел за его взглядом влетевший в комнату Кипарис.

– Не совпадает – коротко обронил Горицвет, вода васильково-синими глазами по испещренным очередями стенам – следы от выстрелов не совпадают с брызгами крови.

– Не понял – Кипарис осторожно уселся на грубый ящик из-под раствора, стараясь не притрагиваться к разводам.

– Кровь человеческая, стреляли тоже люди. Из калаша – но не друг в друга. Прошло полчаса или меньше.

– Судя по гари, тут такая перепалка стояла, что мы бы должны были услышать. Но не услышали.

Аргус скользнул в комнату и нервничающая Грета виновато вильнула хвостом. Хрустя крошечкой кирпича уже не таясь, не скрываясь в проемах разбитых окон, вошел хмурый Ирис, закидывая за спину «грозу»:

– Внизу тоже все в кровянице, стены словно из пультивизатора кто красил, ровненько так. Настоящая бойня, но тел нет.

– Упыри? – предположил Кипарис и кеноиды при его упоминании тут же оскалили клыки.

– Они трясутся над каждой каплей – отрицательно покивал ментал – а тут прямо этюд в багровых тонах с полутонами.

– Смотрите, как идут очереди – потрогал пальцем выбоины Горицвет – будто кого-то догоняя. Стрелявшие пытались во что-то попасть, но оно перемещалось очень быстро. В Зоне так могут только упырь или шкилябра. Но оба этих варианта отпадают. Упыри не стали бы так полосовать и проливать драгоценную кровь, шкилябра могла, но следов не оставила.

Горицвет хотел добавить что-то еще, но в головы прыгнул образ помещения, заставленного грубыми ящиками, между которыми беззвучно перемещались лесники. Топаз остался с бойцами прочесывать подвал, держа незримую связь, и Хмель поднял глаза, смотря через него на хмурого ментала:

– Ирис, кажется, у нас выживший. Давайте сюда.

Лесники молча поднялись. Ментальная связь, особенно в условиях боя, это вещь: ее не экранируют никакие помехи, перехватить и прослушать невозможно, она

ограничивается лишь мощностью передающего сознания. Будь сейчас на Арсенале один из кеноидов, или ментал-лесник, то дома, на Глуши, видели бы каждый их шаг. Эмпатическим менталом, могущим вступать в диалог, в принципе был каждый, но напарников выбирали сами кеноиды, руководствуясь своими, лишь им известными принципами. Ирис на цыпочках вошел в подвал, рассматривая тяжелые ящики и стоящих кружком лесников, заинтересованно к чему-то прислушивающихся. Аргус, ставший неожиданно ведущим прайда, враз посерьезнел и отбросив в сторону былую дурашливость и игривость, сразу перешел на ночное зрение. Могло казаться, что на враз просветлевшую комнату смотрел сам Ирис, только фокус наблюдения был немного ниже, но к этому он давно привык за время ночных караулов. Изображение, сдвинувшись в другой диапазон, окрасилось в контрастные синие и ярко-красные тона, стала видна скрючившаяся в ящике человеческая фигура. Ментал осторожно постучал:

- Опасности нет, можно вылезать.

При звуке слов фигура дернулась и замерла, чей-то хриплый голос, прозвучавший совсем рядом, сухо констатировал:

- Страх. Он испуган до смерти.

Ментал перевел изумленный взгляд на Аргуса и уважительно трепанул его по мощной холке:

- Вот это номер, ты перестроил гортань?

- Положение обязывает. Это крайне тяжело, но необходимо. Он сам не вылезет. Поднимать?

- А куда нам деваться, поднимай. Так мы его до облачного моста ждать будем.

Менталы почувствовали как кеноид взял человека под контроль, сняли крышку и удивленно присвистнули:

- Хрена се. Смотрите, ребята, это же ириний!

И верно, ящик до самого верха был набит серебристыми крупинками. Несведущий человек мог запросто спутать его со строительной мучкой, немного странной и блестящей, которая стоила немало миллионов в самой твердой валюте, в рублях. На одном кубическом сантиметре иридия, заключенном в топливный элемент, работяга «Пегас» или гоночный «Орион» могли работать около пяти лет. Гигант вроде «Руслана» или «Мрии» летал больше года, а советская космическая отрасль уже давно перешла на двигатели академика Шумана. Старый пройдоха хоть и сидел бирюком на Экс-один, но мечту о звездах не предал, давно рассчитал, спроектировал маршевые установки и передал особистам.

Крупинки побежали в стороны, из них показалась человеческая рука, схватилась за стенку и медленно подняла тело. Увидев лесников урка попытался закричать, но Аргус заблаговременно заклеил рот и ему только и оставалось, что выпучив глаза медленно выбираться из ящика. Хмель заинтересованно зачерпнул горсть серебристого бисера:

– Елки, так он же ни черта не весит. Кипа, ну ка подсоби!

Схватившись с обеих сторон за громоздкий ящик, они неожиданно легко оторвали его от пола и подняли над головой:

– Да тут только сами доски и весят. Знатно уркаганы устроились, да один такой ящик стоит... в общем много.

Аргус ослабил хватку и урка тут же забился между ящиков, что-то залепетав, прикрывая голову руками.

– М-да – задумчиво посмотрел на дрожащего бандюка ментал – знатно его приложило. Вытянуть из него что-то путное не получится. Жаль. Придется прибегнуть к прямой трансляции, не ждать же, когда у него в голове просветлеет. Хмель, Горицвет – наверх, и смотреть в оба. Грета, Топаз – сканировать каждое шевеление, особенно от Шахт.

Как только лесники скрылись из виду, Ирис, неторопливо стянув «грозу», уселся на один из ящиков, кивнув Кипарису:

– Ну что, Аргуша, включай фильму что ли...

На окне билась об стекло здоровая зеленая муха. Наглая, самодовольная, время от времени замолкала, а потом снова принималась громко жужжать. Упырь закинул ноги на стол, развалился на старом скрипучем стуле и отрешенно наблюдая за мухой цедил сквозь зубы горький дым. На душе было паскудно. То ли от вечно серого неба, то ли от перепоя, то ли от самой жизни. Жизнь не сложилось: в школе постоянные приводы в милицию, после выперли с технаря за постоянные пьянки и дебоши, а потом загребли в армию. И с концами. Говорят, многих армия исправляет, делает мужчинами, но и метелит по-черному. Хлебнул мало не покажется, попав под Нагорным Карабахом, где принимал участие в урегулировании конфликта, под раздачу. Пока валялся по госпиталям, в стране начался бедлам, позже он и сам не мог вспомнить, как, собственно, попал к браткам, видать сродство души и общность взглядов. А потом пошло-поехало, то одно, то другое, в итоге несколько ходок, а потом Зона. А куда было еще деваться? Здесь довольно тошно, но жить можно, если не проявлять мягкотелость и оглядываться по сторонам. Но такой слабости за ним не водилось, жизнь давно вытравила всю человечность каленым железом, вбивая простой принцип – или ты, или тебя.

От дальнейших размышлений его отвлекла скрипнувшая дверь и просунувшаяся небритая, одутловатая харя Грызла:

– Тут это, Совок к тебе припер. Говорит, есть базар, пустить?

– Пусти, только пусть лапы вытрет на пороге, а то развели свинарник, пройти негде.

Грызла довольно осклабился, за дверьми раздалась ругань, от которой у нормального человека уши свернулись бы в трубочку, потом пара звонких затрещин и стало слышно, как Совок шумно сопя ноздрями вытирает ноги. Влетев в комнату он смачно сплюнул на пол и уселся на ящик:

– Народ нервничает, Упырь. Мы этого песочка нагребли уже до черта ящиков, а лаве нету.

Упырь приоткрыл глаза:

- Да ты никак буквы знакомые вспомнил, книжек начитался и решил мне черную метку принести?

- Че? - уставился на него круглыми глазами Совок.

Упырь подумал как-то глупо, в сущности, прошла жизнь, неправильно, растратившись на мелочевку, а потом, морщась от раскалывающей голову боли медленно процедил:

- Предъяву решил кинуть? Так я могу напомнить, кто протоптал тропинку сквозь тоннели и нашел в них этот самый песочек. Он, кстати, ириний зовется и стоит столько, что тебе, крыса позорная, и не снилось. Думал, не знаю, как ты по боковым шнекам его растаскиваешь в надежде пихнуть налево?

Совок сразу сник и начал ерзать под колючим взглядом Упыря:

- А смысл мотаться туда-обратно? Сначала копай этот песок, потом таскай сюда. Там же Колечко недалеко, и такая жуть нападает, никаких кустов не хватает. Чуть какой звук, так очко и дергается.

- А ты не очкуй, а лучше пошевели извилиной, на которой у тебя уши держаться и вспомни, сколько на этом самом Кольце стоит танков.

На необезображенном интеллектом лице Совка нарисовалась напряженная работа мысли, он долго морщил лоб, чесал пятерней лысину, форсируя роботу упомянутой извилины, а потом сдался, не в силах вспомнить их численность:

- До черта.

- Гений. Именно до черта. А теперь скажи мне, откуда они там, на Колечке взялись?

- Ну, ясное дело, откуда - снизал плечами урка - вояки из-за Периметра нагнали.

Упырь мученически вскинул глаза к потолку, выпустил струю дыма и щелчком забросил окурок в пепельницу:

– Танки сами по себе не летают, верно? Напряги мозги еще немного. Ты же видел, что было, когда вояки пробовали высадить десант из самолетов? Никто живым до земли не долетел, а то, что долетело, даже отдаленно нельзя назвать человеком. Горелые ошметки мелкого помола.

– Ну, да – кивнул Совок, не понимая куда клонит пахан – видел, до сих пор снится. А только причем тут танки?

– Да притом, дубина, что они прошли по тоннелям. Тогда было еще можно пройти, и нет никаких гарантий, что сейчас их с той стороны не раскапывают. Как ты думаешь, кто первым ляжет под гусеницами, если раскопают?

Судя по выражению лица до Совка, наконец, дошел весь драматизм момента. Он заерзал еще сильнее:

– А что могут прорыть?

– Прорыли один раз, проруют и во второй. Вопрос когда. На той стороне Дзыня сейчас осторожно щупает нужных людей. Думаешь, выкаатишь на тачке песочек из Шахт, и к тебе очередь станет? Это тебе не рыжье толкать, эта шняга пострашнее ядерной бомбы будет! Если заметут, то судить не станут, а пристрелят на месте, предварительно оторвав руки ноги и все остальное, спрашивая, где нарыл столько любопытного песочка.

Вот теперь Совок испугался по-настоящему, и на побледневшем лице отчетливо проступила заскорузлая щетина. Тревожно икнув, он начал бегать глазами по сторонам, будто высматривая, не бегут ли по их души вояки. Упырь ослабил, довольный воспитательным моментом. С ними только так и можно, быдло позорное. Пока им по голове не навернешь, черта с два мозгами почешут. И сколько не говори, не суйтесь, придурки к Кольцу – лезут. Обгадятся от испуга и жуткой ломки, но лезут. Жадность потому что, желание быстрее урвать и спетлять из Зоны.

– Ну, это, бугор, прости уroda. А я ведь про танки и не думал, тогда песочек нужно надо ныкать подальше.

– Раз ты такой смелый, бригадир, и даже решил на меня наехать, то скажу больше. Ты Гаврика знаешь?

– Тут рыл на хате много, и всех надо помнить и за спину оглядываться, чтобы никто не пырнул. Роем в песок, и кормить почти не надо, мозга почитай не осталось, в Кольце весь сгорел. Мычит только и слюни пускает.

– Так вот, бригадир, запоминай накрепко. На Большой земле не все ангелами сделались, кое-кто еще берет на лапу. Вопрос в количестве ломтей, и хоть бдят экологи, но денежка она душу греет. Умные люди шепнули – вояки поумнели и танки они гнали на Кольцо не просто так, а защиты всякой повешали, вроде как у путников, и с мозгами сделали что-то, чтобы не боялись ни черта, ни Бога. Пси обработка называется. Но только она им не помогла, все как один сошли с ума, приблизившись к Шахтам. Помнишь такую сказочку – «волки от испуга скушали друг друга»?

– Ага – угодливо закивал бригадир – знатно грохотало, даже эту хату, стоящую дальше всех, снарядами изрешетило.

Упырь, встав со стула, вплотную приблизился к Совку и пристально посмотрел в его бегающие глазки:

– То, что ты крысятничал и наехать решил, прощаю. Отработаешь потом. Но если узнаю, что у Кольца третесь – всех прикопаю. Думаешь, чего из Шахт эта жуть вылезла, а? Вояки были слишком жадные, им мало было того песочка что наружу вылезал, они решили рыть вглубь, вот и вырыли еле ноги унесли. Жадность фраеров сгубила. И мы сдохнем, если будите туда лазить. Назад не вернетесь, это и туше ясно, но разбудите эту чушь. Усек, бригадир?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купити: https://tellnovel.com/moklyuchenko_viktor/retrospekt-pepel

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)